

УДК 930

**ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ТРАКТАТА Л. ШТУРА
«СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО»: РОМАНТИЗМ
И НИГИЛИЗМ В ДИСКУРСЕ ПРОЕКТОВ СЛАВЯНСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ XIX ВЕКА***

Н.И. Недашковская¹, Г.П. Мягков²

¹*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, 125993, Россия*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается полемика вокруг трактата известного словацкого общественного деятеля Л. Штура «Славянство и мир будущего» (*Das Slawenthum und die Welt der Zukunft*, 1851) в контексте методологических поисков славистики и истории общественной мысли второй половины XIX – начала XX века. Обратившись к истории написания, перевода и публикации данного текста в России в 1867 и 1909 годах, авторы уточняют состав создателей дискурса вокруг проектов славянского национального возрождения. На основе изучения статьи-рецензии казанского слависта Н.М. Петровского на второе издание трактата, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» (1909), представлена генетическая критика источника и панславистских позиций издателей русского перевода – академика В.И. Ламанского и его учеников К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского. Подчёркивается значение методологических идей и приёмов текстологического анализа Петровского для понимания механизмов функционирования различных идеологем национализма.

Ключевые слова: национальное возрождение славян, славистика, романтизм, нигилизм, идеологема, национальные империи, научный дискурс, Л. Штур, В.И. Ламанский, Т.Д. Флоринский, Н.М. Петровский

Славянское национальное возрождение – многослойный и долгожительствующий в европейской истории идеологический проект, который был последовательно сконструирован интеллектуалами эпохи романтизма на фундаменте идеи нации, порождённой немецкой философией. Представляется продуктивным рассматривать его как разветвлённую семиотическую систему, разностилевый и разножанровый корпус текстов, подлежащих прочтению в контексте различных дискурсивных практик и коммуникативных взаимосвязей. Наш объект – стратегии присвоения дискурсов и манипуляции ими. Прочтение и деконструкция этих

* В основу статьи положен доклад «Словацкие сюжеты в трудах казанских славистов XIX – XX веков», сделанный на приуроченной к VI заседанию Комиссии историков России и Словакии Международной научной конференции «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» (г. Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 г.) [1, с. 4].

стратегий позволяет раскрыть значительные грани внутренней логики интеллектуальной истории Европы всего «долгого» XIX в., объяснить «связь времён» и её разрывы, а соответственно, продвинуться в решении задачи «реконцептуализации самого исторического знания» в целях создания на этой основе «новой исторической культуры» [2, с. 7].

Одной из важных и при этом наиболее мистифицированных граней мироощущения европейской культуры модерна является нигилизм (см., например, [3, с. 64–95]), который возникает в недрах философской мысли романтизма в конце XVIII в. Оставляя за пределами этой статьи чрезвычайно актуальный в связи с нарастающим интересом к феноменам национальной и культурной идентичности, кросскультурным процессам и трансформации традиций в современных обществах в современной науке вопрос о генезисе и соотношении нигилизма и романтизма (см. [4–7] и др.), отметим, что нас интересует историческая семантика нигилизма в 1830–1910-е годы – период профессионализации в Европе и России славистики, репродуцировавшей с самого начала целую парадигму разнообразных культурных смыслов данной мировоззренческой позиции. Славистика, будучи научным дискурсом национализма в его взаимосвязи и сопряжённости с нигилизмом (особенно в ситуациях столкновения романтической и позитивистской методологии), на наш взгляд, должна быть прочитана не только и не столько словно линейный нарратив эволюционной (позитивистской) историографии, а скорее, как часть культурной коммуникации Европы и России, трансфера идей и понятий и, следовательно, значимая составляющая процессов социального конструирования.

В исследовательском фокусе при указанном подходе оказываются так называемые тёмные места в истории коммуникации основных действующих лиц – интеллектуалов, признанных основоположниками славянской публицистики, политической мысли и славистики как науки о славянском мире, его языке, истории и культуре. Так, проблемой в историографии славянского национального возрождения является периодизация самого этого явления, равно как и наиболее цельного его нарратива – истории славистики. До настоящего времени в своих работах исследователи фиксируют основные отличия возникновения версий проекта в Европе и России, а также черты профессионализации славистики, славянской журналистики, политической мысли и прочего. Зачастую без внимания остаётся специфика контекста процессов модернизации в разных странах, которые имели немаловажные индивидуальные особенности. Ту же ситуацию можно наблюдать и в рассмотрении таких вопросов, как развитие методологии славистики, философские взаимосвязи и разрывы поколений славистов, творивших в эпоху романтизма, и их преемников и позитивистов-ниспровергателей.

Весьма показательны в этом плане события, связанные с международными коммуникациями славистов и «хождением» их текстов, имеющих программный характер с точки зрения и идеологии, и методологии славистики.

Среди наиболее привлекающих фигур и обсуждаемых текстов следует назвать словацкого поэта, филолога, публициста, общественно-политического

деятеля и слависта Людовита¹ Штура (1815-1856) с его значительным наследием и особой ролью в нём неопубликованного при жизни трактата “Das Slawenthum und die Welt der Zukunft”, именуемого «Славянство и мир будущего». Он был написан автором на немецком языке в 1851 г., однако в своей оригинальной версии увидел свет лишь в 1931 г. [8, 9], значительно позже неоднократно публикации в русском переводе (см. [10, 11]). В «Предисловии» к первому изданию, которое состоялось в России при участии Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете в 1867 г., В.И. Ламанский отмечает, что подлинник ему был подарен друзьями Штура в 1862 г. [10, с. I], а поскольку «сочинение... хотя и писанное 11–12 лет тому назад, является ныне как нельзя более кстати» [10, с. II], он решает осуществить перевод. Спустя сорок два года, в 1909 г., Обществом ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III осуществлено второе издание трактата с предисловием К.Я. Грота и вступительной статьёй и комментариями Т.Д. Флоринского [11]. В него включено также упомянутое нами «Предисловие» В.И. Ламанского.

Л. Штур принадлежит тому поколению славянских «будителей»², которое по возрасту его представителей совпадает с первым поколением университетских славистов в России. Последние, в свою очередь, являются младшими современниками «великих» Й. Добровского, Я. Коллара, П.Й. Шафарика, А.Х. Востокова. В отличие от российского контекста первой половины XIX в., где профессиональная славистика была практически полностью отделена от политики и публицистики, европейский сложился как синтез идеологического, политического, государственного и научного дискурсов. Штур, начав в 30-е годы XIX в. с организации студенческого культурно-просветительского общества, занимался одновременно созданием литературного словацкого языка и культурно-политической доктрины «взаимности» славянских народов, существенно противореча старшим «будителям» как в вопросе судьбы национальных языков внутри взаимности, так и в видении политических путей единения славян, прямо призывая их объединиться вокруг русских – единственного «племени», сохранившего политическую независимость и значение [10, с. 169–170]. В 40-е годы XIX в. он издаёт первую словацкую политическую газету «Словенске народне новини» (“Slovenské národné noviny”³); выступает со своей программой в венгерском сейме; участвует в подготовке и проведении Славянского съезда 1848 г. в Праге; сражается на баррикадах Пражского восстания 1848 г.; разочаровывается в венгерской революции 1848–1849 гг. с её нетолерантной политикой в национальном вопросе;

¹ Далее, в библиографии, сохраняется вариант *Людевит* – такую транскрипцию применяли учёные, писавшие о Штуре в XIX – начале XX в.

² Э. Ковальска, один из авторов «Истории Словакии», ставя вопрос о критериях выделения применительно к поколениям деятелей национального возрождения, предлагает учитывать ориентацию не только «на инициаторов народного движения», но и на тех, «кому все эти возрожденческие стремления были адресованы» [12, с. 231]. С этой точки зрения Л. Штур, наряду с Я. Кралем, М.М. Годжей, Й.М. Гурбаном и др., отнесён к третьему поколению, которое выдвинуло программу, предусматривавшую «вовлечение в орбиту национального движения и народных масс» [12, с. 233], в то время как представители и первого (А. Бернолак, Ю. Фандли, Ю. Палкович и др., чья деятельность пришлась на 80-е годы XVIII в. – примерно 1820 г.), и второго (Я. Коллар, П.Й. Шафарик, Я. Голлы и др. – примерно 1820–1835 гг.) поколений просветителей в качестве социальной базы имели «лишь очень тонкий слой образованных людей» [12, с. 232].

³ Издание существует по настоящее время (snn.sk). – *Ред.*

входит в число тех, кто предпринял попытку провозгласить независимость Словакии, но потерпел неудачу; в составе австрийской армии разделяет антивенгерские военные действия⁴ [13, с. XXIII–XXIX]; попадает под надзор полиции и оказывается изолированным от активной общественной деятельности, в итоге – на рубеже десятилетий – испытывает тяжёлый душевный кризис (см. [12, с. 20, 259; 13, с. XXX–XXXI; 14, с. 86]) и полностью переходит в сферу интеллектуального идеологического проектирования. В этот последний период жизни и будет написан указанный трактат – единственный текст романтической славистики, который получил у позитивистов высокую оценку и символическое значение «завещания славянскому миру» [15, с. 265] и который яростно ими пропагандировался.

Историография славистики неоднократно обращалась к этому тексту, детально реконструирована история его перевода и издания, проанализированы основные положения представленной в нём концепции «славянской взаимности» (см. [9, 14, 16–21]). В связи с указанным контекстом написания трактата концепция Штура прочитывалась как политический дискурс, конструкт, базирующийся на идее сплочения славянских народов вокруг России⁵.

Заметим, однако, уже современниками текст воспринимался не только как памятник общественной мысли. «Открытие» трактата сопряжено со значительными трансформациями затрагивающего славянский национализм научного дискурса, включено в него и является его значимым инструментом. В.И. Ламанский параллельно со своими славистическими и геополитическими занятиями⁶ вернул из небытия текст, который давал большие возможности для перевода пространственных идеологем «научного знания» в массовое сознание. В историографии доктрины «славянской взаимности» сложилось мнение о доминантном характере общественно-политических конструкций, воплощённых в программных трактатах и манифестах «будителей». Однако наше наблюдение за бытованием этих текстов, в частности манипуляция ими со стороны представителей экспертного сообщества (славистов), побуждает предположить обратную зависимость, то есть доминирование научного дискурса в построении национализма.

Итак, идеологически штуровский текст неразрывно связан с аналогичными манифестами славянской взаимности (см. [23, 24]). Славянам предлагается

⁴ О деятельности Л. Штура в 1848 и 1849 гг. русский историк писал: «Вместе с Гурбаном и Годжей он был главным руководителем народного движения. Его одушевление, предприимчивость, горячая преданность идее народной свободы не знали пределов. Он не щадил ни сил, ни здоровья, ни жизни и всего себя отдал на служение народу, принимал на себя самые разнообразные роли: депутата, оратора, публициста, дипломата, вербовщика добровольцев, вождя повстанцев. Популярность его была огромная. Имя его, как героя и борца народного, разносилось по всей словацкой земле» [13, с. XXIII].

⁵ Анализ версий, выдвинутых словацкими исследователями о датировке, мотивах, цели написания трактата Л. Штуром, см. в работе Г.В. Рокиной «Интерпретации трактата словацкого патриота Л. Штура «Славянство и мир будущего» в отечественной и зарубежной историографии» [14]. Подытоживая свои наблюдения, исследовательница заключает: «...В современной литературе однозначно найдены ответы лишь на два вопроса: когда был написан трактат “Славянство и мир будущего” и был ли его автором действительно Штур? Что же касается посылов к его написанию и роли в последующем развитии словацкого национального движения, то здесь сохранились различные позиции авторов, относящих трактат или к политическим манёврам, или к духовному завещанию Штура» [14, с. 83]. Более того, как соединить статус отца-основателя нации с его «политическим завещанием»? Это один из тех вопросов, который, по мнению Рокиной, ставит в тупик современных исследователей творчества Л. Штура [14, с. 88].

⁶ На рубеже XIX – XX столетий под руководством П.П. и В.П. Семёновых-Тян-Шанских и В.И. Ламанского готовилось многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» [22].

культурная и политическая программа, ставящая целью: 1) их национальное возрождение, то есть «возвращение» национальной политической независимости, культурной самобытности; 2) занятие ими соответствующего их силам и способностям места во всемирной истории. Историческая доктрина Л. Штура, таким образом, базируется на вполне узнаваемых идеях романтиков, что делает ещё более значимым принятие трактата позитивистскими панславистами. Пути достижения столь идеологически агрессивных целей излагаются чрезвычайно пафосно, но достаточно неопределённо в политическом контексте времени, когда текст готовится к изданию – времени радикализации панславизма. Это заставляет допустить возможность серьёзной коррекции переводчиком (переводчиками) не только стиля, но и содержания. Штур предлагает славянам приобрести государственную самостоятельность на основе федерализации славянских земель вокруг России, при этом считает излишним и преждевременным определять формы и способы такого воссоединения. Достаточно определены только культурные аспекты – возвращение православия и принятие русского языка как общеславянского. Неоднократное упоминание, что у России и славян есть время для устранения формальных несовершенств и нахождения правильных политических путей реализации этого проекта, ещё раз заставляет обратить внимание на принципиальную неориентированность трактата на конкретно-историческую политическую жизнь народов, ставших объектом национального проектирования мыслителя. Закономерным представляется столь своевременное появление этого сочинения и превращение его в программный манифест Славянского съезда 1867 г. в Москве [9] и важнейший аргумент для русских панславистов⁷.

В начале трактата Л. Штур пишет, что, несмотря на одинаковую судьбу, славянские народы никогда не действовали сообща, поэтому настало время, подчёркивает он, заключить «взаимное соглашение» между всеми славянами [10, с. 1]. Далее следует изложение основных причин нынешнего трагического положения славян, страдающих как «от своих злосчастных разделений и раздоров» [9, с. 3], так и отсутствия «объединяющих и возвышающих идей» [10, с. 33], под которыми он подразумевает религиозную общность. Штур определяет современное ему состояние славянского мира - «по большей части одни руины» [10, с. 3], однако «не забыли... о своём общем происхождении и родственных узах, о своём братском единстве» [10, с. 4]. Славянам автор противопоставляет Запад Европы, анализируя в историческом и философском ракурсе судьбы народов Франции, Германии и проч. [19, с. 98].

Из самого трактата «Славянство и мир будущего» очевидно (это неоднократно подчёркивалось также историографами): концепция взаимности Л. Штура полемизирует с программным текстом национального возрождения славян первой половины XIX в. – «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» Я. Коллара (1836). В противовес последнему

⁷ Показательна оценка трактата Л. Штура, данная В.И. Ламанским: «Сочинение это с необычайной ясностью ставит и разбирает самые коренные и жгучие вопросы относительно всех славянских племён без изъятия. В истории так называемого панславизма оно займёт по своему содержанию и изложению гораздо более почётное место, чем наделавшая в своё время столько шуму в средней Европе знаменитая брошюра родоначальника новейшего панславизма, словака же, Я. Коллара “О литературной взаимности славян...”» [10, с. I-II].

он отстаивает право каждого народа на литературный язык и культурную самобытность. В неприятии же Запада (обязательной агрессивной идеологемы, созданной первыми славистами) «Штур пошёл значительно дальше Коллара» [19, с. 98]. Как замечает А.Г. Машкова, «у Коллара его антизападные настроения носят скорее эмоциональный характер (например, его мечта видеть Европу падшей на колени перед славянским миром, о чём он пишет в “Дочери Славы”, или неприятие байронического романтизма и т. д.). В отличие от него, Штур, подробно излагая политическую ситуацию, сложившуюся в странах Западной Европы, и отношение их представителей к славянским народам, делает вывод о неизбежной гибели западного мира» [19, с. 98]. «В политическом отношении, – пишет он, – Запад бросается из самодержавных монархий в конституционные, из них снова в политические и наконец в социальные и коммунистические республики, где всё оканчивается разложением человечества и уничтожением всякой человечности. Это бросание имеет в себе то роковое значение, что, однажды увлечённый в этот поток движения, не может уже в нём остановиться. Тут нет остановки и покою, здесь всё хочет вперёд, всё стремится, всё рвётся, всё видит конечное, желанное счастье – в разрушении! <...> Пусть мчится колесница вперёд – её колёс не обратить назад: пусть мчится она с народами Запада, пока могучая рука не удержит её на краю пропасти!» [10, с. 108].

На этом этапе «Штур активно не приемлет революции, которые рождаются, как он утверждает, именно на Западе и которые влекут за собой разрушение цивилизации и культуры, способствуя распространению коммунистических идей. Порочность этих идей он видит в том, что “каждый коммунизм призывает грубую, чувственную, себялюбивую толпу к владычеству... Как бы ни старался коммунизм представить себя защитником прав человеческих, но сам он не знает вовсе человечества, жалким образом унижает его...”» [19, с. 99].

Западу Штур противопоставляет Восток, создавая романтический образ России, которая должна стать объединяющим началом всех славян: «Неодолимо влечёт к себе Россия славян. Но ещё другие причины располагают их к ней. Русские – единственные славяне, сохранившие свою самостоятельность, и тем спасшие честь славянского имени. <...> Россия, конечно, есть величайшая перво-степенная держава, ибо какое иное государство повелевает такими неизмеримыми силами и средствами, какими обладает Россия?» [10, с. 167].

Несмотря на многократные обращения историографов к творчеству Л. Штура и его легендарному «завещанию», стремление создать линейный нарратив истории, с одной стороны, панславизма как феномена общественной мысли, а с другой – славистики не позволило прочесть «Послание славянам с берегов Дуная» как часть многослойного дискурса, затрагивающего интеллектуальное проектирование славянского национального возрождения в XIX в. Тем не менее практически каждый тезис трактата, как и богатая событиями история его рецепции, даёт уникальную возможность для наблюдения идейных потоков и внутренних противоречий социального строительства двух эпох – романтизма и позитивизма (принципиально различные методологии общественного воображения). Хронологически Л. Штур волею переводчика был поставлен скорее на их пересечении. Такому положению не противоречит и его биография: он весьма показателен как фигура, интеллектуально причастная обеим эпохам.

Известно, что по своему образованию, принадлежности к интеллектуальной традиции, формам рассуждения Штур гегельянец, концепцию национального возрождения он выстраивал по гердеровской лингвоцентричной модели, которая превращает язык в средство разграничения и дисконмуникации [20, с. 87–88]. Эмпатия как важнейший инструмент методологии сродни романтическому мироощущению первых славистов. Присвоение высшего смысла истории и исторического содержания событиям и высказываниям, инициатива идеологом нацистроительства – черты, определяющие интеллектуала-романтика. Между тем отмечая «своеобразие» взглядов и в особенности неоднозначный, не вписывающийся в эту схему характер коммуникативных связей словацкого мыслителя, историографы предпочли не заметить особенный интерес к его наследию позитивистов, отвергших практически все методологические и философские построения романтиков (см. [26]). Загадка, но до сих пор не удалось восстановить полную картину обширной «профессиональной» коммуникации Штура [26, с. 124]. В этот круг, как известно, входили не только все значимые фигуры нацистроительства первой половины XIX в., что ожидаемо, но и, например, такие немислимые в свете обозначенных философских и политических предпочтений Л. Штура личности, как М.А. Бакунин [27]. Речь идёт не о различии их взглядов, а о методологической несовместимости романтического процесса создания миропорядка и его «означивания» и философских начал анархизма/нигилизма, который, казалось, не мог найти внутренних оснований для своих деконструктивных интеллектуальных построений. Как отмечалось выше, и сам Штур заявлял коммунизму решительный протест. А между тем на Славянском съезде в Праге, который стал катализатором целого ряда революционных событий в Европе, Бакунин и Штур оказались в меньшинстве, объединённые самыми радикальными идеями создания славянской федерации [27, с. 119–121].

Любопытно проследить методологический разрыв первого (романтического) и второго (позитивистского) поколения славистов, который наглядно вскрывается в выборе последними текстов предшественников для своих геополитических и идеологических конструкций. В свете сказанного становится понятным, почему трактат Штура в 1867 г. избран программным документом Славянского съезда в Москве. Чрезвычайно важно наблюдение Г.В. Рокиной, что «появление в 1871 г. книги Н. Данилевского “Россия и Европа” означало теоретическое оформление геополитических взглядов русских панславистов. На фоне развернувшихся в российской общественной мысли дискуссий вокруг этой книги, словацкая проблематика стала дополнительной аргументацией в пользу панславистов. Наиболее ярко эти дискуссии отразились на страницах “Известий Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества” (ИССБО – 1883–1888 гг.). Журнал имел самые близкие контакты с редакцией словацкой газеты “Народные новины”. На фоне общей картины славянского мира, мозаика которого складывалась на страницах журнала, в наиболее темных красках освещалось положение словаков в Австро-Венгрии. На его страницах читателей вновь знакомят с основными положениями трактатов Я. Коллара и Л. Штура. Сравнительный анализ русских “Известий” и словацких “Новин” подтверждает единую программу её редакторов. Редакторами российского издания в разное время были В. Ламанский

и А. Будилович, а словацкого – Я. Францисци, С. Гурбан-Ваянский, Й. Шкультеты» [18, с. 9].

К моменту издания рассматриваемого трактата на русском языке имя его автора было уже хорошо известно в России. Штур поддерживал активные отношения с русскими славистами: с некоторыми из них – М.П. Погодиным, И.И. Срезневским, Н.А. Ригельманом, Ф.В. Чижевским – встречался, со многими – О.М. Бодянским, И.И. Срезневским, М.Ф. Раевским – переписывался, обменивался литературой, о нём писали В.И. Ламанский, И.И. Срезневский, А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович, А.С. Будилович, Т.Д. Флоринский и др. [26–28]. В 1860 г. журнал «Русская беседа» опубликовал подробную биографию Штура [29] (см. также [9]). В этой связи закономерно, что данный текст снискал в нашей стране большую популярность, сюжеты о его востребованности – общее место всех историографических нарративов. Его цитировали, на него опирались в своих суждениях многие русские учёные (см., например, [16, 27, 28]).

В начале XX в., когда над славянским миром и Европой нависла угроза социальных катастроф, трактат Штура актуализировали ученики первых позитивистов. Т.Д. Флоринский в своей вступительной статье ко второму изданию отметит, что данный труд «занимает выдающееся место в публицистической литературе о славянстве и славянском вопросе и в отношении основных своих положений вполне сохраняет своё значение и в настоящее время» [13, с. XXXV]. Объясняется это следующим: «Основные его мысли, в силу их искренности и внутренней правдивости, и теперь сохранили своё значение, свою жизненность, находят себе подтверждение в многочисленных явлениях современной славянской жизни и потому заслуживают всякого уважения, внимания и изучения» [13, с. XXXVIX].

Как и сотрудничество Л. Штура с М.А. Бакуниным, к числу загадок относится практически незамеченная историографами жёсткая полемика с издателями трактата «Славянство и мир будущего» Н.М. Петровского (см. о нём [30, с. 307–309]), который впервые ставит источниковедческие вопросы при оценке историографического источника. В своей рецензии Петровский осуществляет детальный текстологический анализ двух изданий (перевода), а также политических тезисов Штура в контексте современной ему ситуации [31]. Он открыто выступил с критикой вульгарной модернизации текста, вскрыв, таким образом, стратегии конструирования, присущие позитивистской методологии и нигилистические тенденции, реализуемые издателями. Следует согласиться с Л.П. Лаптевой, что «в лице Н.М. Петровского русская славистика имела квалифицированного, широко эрудированного и объективного судью литературной продукции своего времени», это был «новый тип рецензента» [32, с. 744].

Н.М. Петровский начинает с тезиса издателей 1909 г. К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского об актуальности публикации трактата для современного момента истории России и Европы, ставя это под сомнение в первую очередь. «...Перепечатка этого трактата, – пишет он, – по словам г. К. Г. (стр. IV), является особенно своевременной “теперь, в дни нового заметного подъёма у нас славянского самосознания, быть может, накануне нового всеславянского съезда в России”. Так ли это на самом деле?» [31, с. 194]. Петровский задаётся целью демистифицировать сам текст трактата, то есть отделить и «проявить» аналитику, разграничить

публицистический пафос и идеологические конструкции, а также в какой-то мере выявить роль издателей в его реидеологизации: «Конечно, бывают такие сочинения общественного характера, которые не теряют своего значения даже тогда, когда охарактеризованные в них условия жизнь уже заменила другими, но принадлежало ли “Послание славянам с берегов Дуная” к числу “произведений славянской мысли, с глубоким проникновением раскрывающих внутреннюю сущность характера и быта, духовный строй и нравственную ценность, словом – народную душу славянской расы, а с другой стороны выясняющих культурно-историческое место и мировое призвание славянства во главе с Россией среди других наций и культур” (стр. III)? Удачно ли характеризовал Штур славянский мир своего времени? Верно ли угадывал он дальнейшую судьбу славянства и германства?» [31, с. 194].

Далее следует комментарий Н.М. Петровского к основным тезисам Л. Штура о фактической истории славянского возрождения и роли в нём представителей разных славянских народов вплоть до русских [31, с. 195–197]. Крупный учёный-славист называет важнейшие фактические ошибки и заблуждения словацкого мыслителя, опровергнутые самим ходом истории уже в ближайшие десятилетия. Анализ фактографии национального возрождения славян по Штуру завершается закономерным выводом: «Приведённых цитат, на наш взгляд, достаточно, чтобы прийти к весьма грустному выводу относительно “Послания”: автор его не понимал современного ему западного славянства, не знал России и не предугадывал значения германской стихии. Будучи совершенно бесполезен сам по себе, трактат Штура интересен, однако, для характеристики взглядов величайшего из словацких вождей, мученика – правоучителя многострадального народа» [31, с. 197–198].

Однако свою рецензию Н.М. Петровский пишет не для того, чтобы развенчать текст Штура. Автор делает важную оговорку: «С этой точки зрения появление “Послания” в печати в 1867 г. могло быть оправдано, но в новом издании его в 1909 году не было никакой надобности» [31, с. 198]. Таким образом, определён главный вопрос критика и демистификации издания: каков же смысл обращения к тексту видных учёных и панславистов К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского?

Для реализации интеллектуального расследования детально воспроизводится и комментируется техника работы издателей 1909 г. с предшествующим текстом, опубликованным в 1867 г. В.И. Ламанским. Наблюдения Н.М. Петровского демонстрируют небрежность К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского: во втором издании рассматриваемого трактата сохранены без комментариев явные ошибки Штура и описки переводчика Ламанского, но изменён по своему усмотрению стиль, а нередко и смысл ключевых в идеологическом плане словосочетаний [31, с. 198–202]. Причём декларируется, на что обращает особое внимание Петровский, будто к изданному ранее переводу добавлены лишь вводная биографическая статья, написанная Т.Д. Флоринским [29], и несколько комментариев к тексту.

Указанный биографический очерк Т.Д. Флоринского при общей высокой оценке содержания грешит, по мнению Н.М. Петровского, неполнотой библиографии, фактическая сторона статьи также несёт характерные для геополитических текстов славистов всего XIX в. «ошибки» [31, с. 201–202]. В частности, даны

некорректные цифры в «Таблице численности славян», критика которых уже публиковалась до этого в профессиональных изданиях.

И, наконец, последнее наблюдение рецензента об ошибках В.И. Ламанского, воспроизведённых Т.Д. Флоринским, связывает стиль работы последнего с именем Н.П. Погодина – крупного российского историка, но известного небрежностью переводчика и издателя [31, с. 203–204].

Неудивительно, что ответ издателей на данную рецензию не содержал возражений по существу, а базировался на идеологических построениях [33]. В то же время многие последующие идеологи славянского национализма, как и академические исследователи этого явления, были вполне согласны с фактической стороной претензий Петровского (см., например, [34]).

Рецензия Н.М. Петровского представляется ценной в первую очередь как текст интеллектуальной истории славистики. Самоустраняющаяся манера учёного-критика, который зашифровывает свою мысль непосредственно в схеме построения наблюдений и аргументов и обрывает её, предоставляя тем самым возможность делать выводы читателю, требует внимательного прочтения. Ещё раз повторим, что целью рецензии крупного учёного не был ученический разбор фактических ошибок коллег. За этим текстом – искания славистики в области важнейших аспектов её репрофессионализации на пороге нового века и драматических исторических событий. Полемика Петровского с издателями Штура – интереснейший источник по истории методологии и самосознания не только славистики, но и всей гуманитарной науки второй половины XIX – начала XX в. Важно учитывать следующее. Н.М. Петровский в своём профессиональном становлении прошёл не совсем обычный путь. Будучи учеником отца, крупного слависта, члена-корреспондента Императорской Академии наук М.П. Петровского, фактически он воспринял научную школу романтического славяноведения, которое собственно задавало методологическую модель синтеза наук при синтетическом объекте (славянский мир) и создало традицию сбора и систематизации источников [30, с. 307–310].

Гегелевское понимание оснований и смысла истории, метод романтиков – эмпатия на основе максимального погружения в источниковую базу при использовании максимума инструментов (лингвистика, этнография и проч.) и поиск философского фундамента для обобщающих концепций – не были унаследованы позитивистскими славистами, а новой методологии они не создали, полностью уйдя в идеологическое конструирование. Об этом свидетельствует и признанный кризис в славистике уже начала XX в., отказ от комплексных исследований и невозможность создать междисциплинарную историю науки.

Н.М. Петровский нашёл, как видим, другие подходы к критике источника, который в его версии уже представлял интерес для истории как науки, так и общественной мысли. В концептуализации панславизма он идёт дальше автора первого в России фундаментального историографического нарратива о панславизме А.Н. Пыпина [35], определившего два дискурса, составляющих это явление: литературный и политический. Петровский-младший выделяет и анализирует третий и наиболее важный – научный – дискурс панславизма, отсюда труды его коллег-славистов превращаются из историографии в объект исследования. Наиболее наглядно это видно при рассмотрении его рецензии с учётом

текстологических идей А.А. Шахматова – старшего коллеги, друга и во многом учителя (см. [36, с. 74–75]).

Примечательно также, что диссертации и многие другие крупные работы Н.М. Петровского посвящены историографии, то есть детальному анализу трудов предшественников, сделавших эпоху в славистике [36, с. 70–71]. Шахматовский метод выводится за рамки текстологии древнерусских летописей. Детально анализируя источник, его редакции и контекст их появления, Петровский совмещает текстологическую и генетическую критику текста, что позволяет уже выйти на уровень интеллектуальной истории славистики со всеми её идеологическими контекстами. По сути, работы такого типа появились в Европе только в 80-е годы XX в. у структуралистов (см. [37]). В России пример такого исследования – труды М.В. Белова (см., например, [38]). Это подтверждается и выводами И.Н. Данилевского о том, что следующий за Шахматовым шаг в методологии изучения летописей (и текстов вообще) совершается только в наши дни [39, с. 274].

Таким образом, Н.М. Петровский в своей рецензии на переиздание трактата Л. Штура представил первый для историографии славистики опыт анализа актуализации агрессивных идеологием славянского нацистроительства при помощи реконструкции истории текста и контекстов его репрезентации. В его текстологическом исследовании переводов трактата намечены подходы к осмыслению глубинных процессов методологического разрыва между поколениями нацистроителей и потенциал агрессивных остаточных идеологием, оказавшихся в числе интенциональных факторов развития идей нигилизма. Эта работа даёт текстологический материал и методологические основания для дальнейшей реконструкции путей систематического интеллектуального обмена европейских и русских интеллектуалов эпохи построения национальных империй, воссоздания истории становления славистики в российских университетах в её взаимосвязи с усвоением националистической идеологии модерна и преемственности между производством академического дискурса национализма и проектами славянского национального возрождения.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-24-49004.

Литература

1. Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память: Международная научная конференция и VI заседание Комиссии историков России и Словакии (г. Йошкар-Ола, 20–22 сент. 2016 г.): Программа. – URL: http://inslav.ru/images/stories/conf/2016_Joshkar-Ola.pdf, свободный.
2. Репина Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: теория, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – С. 5–13.
3. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.
4. Зенкин С.Н. Исторические идеи и мыслительные схемы: к поэтике интеллектуального дискурса // Ex Cathedra. Современные методы изучения культуры. – М.: РГГУ, 2012. – С. 154–166.

5. *Корчинский А.В.* «Означающее на все руки»: дискурс(ы) нигилизма // *Дискурс*. – 2007. – № 14–15. – С. 34–54.
6. *Корчинский А.В.* Форманты мысли: литература и философский дискурс. – М.: Яз. славян. культуры, 2015. – 288 с.
7. *Михайлов А.В.* Из истории «нигилизма» // Михайлов А.В. Обратный перевод. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 848 с.
8. *Tvorba a dielo Ľudovíta Štúra* // *Ľudovít Štúr (1815–1856)*. – URL: <http://www.stur.sk/>, свободный.
9. *Рокина Г.В.* Канун Славянского съезда 1867 г.: Трактат Л. Штура «Славянство и мир будущего» // *Славянское движение XIX – XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения* / Отв. ред. М.Ю. Досталь. – М., 1998. – С. 73–95.
10. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная / Пер. с нем. и прим. В. Ламанского. – М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1867. – VI, 191 с.
11. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная / Под ред. К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского. – СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения (И.Н. Кушнерёв и К°), 1909. – XLVIII, 176 с.
12. *История Словакии* / Пер. со словац. И.А. Богдановой, В.В. Марьиной; с англ. О.В. Хавановой; Науч. ред. Ю.В. Богданов. – М.: Евролинц, 2003. – 436 с.
13. *Флоринский Т.Д.* Людевит Штур и его «Славянство и мир будущего» // Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная / Под ред. К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского. – СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения (И.Н. Кушнерёв и К°), 1909. – С. V–XLI.
14. *Рокина Г.В.* Интерпретации трактата словацкого патриота Л. Штура «Славянство и мир будущего» в отечественной и зарубежной историографии // *Историческое произведение как феномен культуры: Материалы X Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. А.Ю. Котылев, А.А. Павлов. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питириима Сорокина, 2016. – С. 77–88.
15. *Ламанский В.И.* Из записок о славянских землях // *Отеч. зап.* – 1864. – Т. CLII, кн. 2. – С. 649–702; Т. CLIV, кн. 5. – С. 353–380.
16. *Лантева Л.П.* Л. Штур в русской литературе XIX – начала XX веков // *Ľudovít Stur und die slawische Wechselseitigkeit: Gesamte Referate und die integrale Diskussion der wissenschaftlichen Tagung in Smolenice, 27–29 Juni 1966*. – Bratislava: Slowak. Akad. der Wiss., 1969. – S. 394–401.
17. *Матула В.* Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура // *Сов. славяноведение*. – 1978. – № 2. – С. 58–71.
18. *Рокина Г.В.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 280 с.
19. *Машикова А.Г.* «Завещание» славянскому миру: Трактат Людовита Штура «Славянство и мир будущего» (К 200-летию со дня рождения писателя) // *Stephanos*. – 2015. – № 4. – С. 96–104.
20. *Браксаторис М.* Национальная философия Людовита Штура на оси Запад – Словакия – Восток // *Stephanos*. – 2015. – № 4. – С. 83–95.
21. *Ľudovít Štúr na hranici dvoch vekov: život, dielo, doba verzus historická pamäť*. – Bratislava: Veda, 2015. – 398 с.
22. *Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: в 19 т.* / Под ред. В.П. Семёнова. – СПб.: А.Ф. Девриен, 1899–1914.

23. *Колар И.* О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отеч. зап. – 1840. – Т. VIII. – С. 1–24, 65–94.
24. *Рокина Г.В.* О литературной взаимности славян: теория Яна Коллара // Возрождение: Газ. – 2010. – № 1. – URL: http://club-vozdroydenie.ru/publ/slavjanskij_mir/o_literaturnoj_vzaimnosti_slavjan_teoriya_jana_kollara/47-1-0-463, свободный.
25. *Недашковская Н.И.* «Европа есть собственно полуостров Азии»: пространственные идеологемы в научных текстах славистики XIX века // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 2, ч. 1. – С. 157–163.
26. *Загора Р.* Контакты Людовита Штура с Измаилом Ивановичем Срезневским // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. – 2008. – Вып. 4, ч. 1. – С. 124–128.
27. *Загора Р.* Контакты Людовита Штура с учёными и мыслителями России // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2007. – № 1-2. – С. 113–122.
28. *Кубишова Г.* Переписка Людовита Штура с российскими славистами // *Stephanos*. – 2015. – № 4. – С. 113–121.
29. Людовит Штур // Рус. беседа. – 1860. – Т. 1, кн. 19. – С. 51–60.
30. *Мягков Г.П., Недашковская Н.И.* Провинциальные научные школы: разрывы традиции как схолярные практики (на материале истории медиевистики и славяноведения в Казани) // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 292–312.
31. *Петровский Н.М.* [Рец. на кн.: Славянство и мир будущего. СПб., 1909] // Журн. М-ва нар. просвещ. Нов. сер. – 1909. – Ч. XXII. – С. 194–204.
32. *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. – М.: Индрик, 2012. – 840 с.
33. *Грот К.Я., Флоринский Т.Д.* О новом издании трактата Л. Штура «Славянство и мир будущего»: (по поводу рецензии Н.М. Петровского) // Журн. М-ва нар. просвещ. Нов. сер. – 1909. – Ч. XXIII. – С. 459–463.
34. *Masaryk Th.G.* Russland und Europa: Studien über die geistigen Strömungen in Russland. F. 1: Zur russischen Geschichts und Religionsphilosophie: Soziologisch Skizzen: 2 Bd. – Jena: Diederichs, 1913. – Bd. 1. – 387 S.; Bd. 2. – 532 S.
35. *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878) / С предисл. и примеч. В.В. Водовозова. – СПб.: Колос, 1913. – 189 с.
36. *Мягков Г.П., Макарова Н.И.* Отец и сын Петровские: два поколения казанской школы славяноведения // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 148, кн. 4. – С. 62–76.
37. *Macura V.* Znamení zrodu. Cesko obrození jako kulturní typ. – Praha: Československý spisovatel, 1983. – 540 s.
38. *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). – СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.
39. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 383 с.

Поступила в редакцию
22.11.16

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания

Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., д. 6, г. Москва, 125993, Россия
E-mail: n.nedashkovskaya@yandex.ru

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: gmyagkov@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 4, pp. 856–871

**Polemics around L. Štúr's Essay "Slavdom and the World of the Future":
Romanticism and Nihilism in the Discourse of Projects for the Slavic National Revival
in the 19th Century**

N.I. Nedashkovskaya^{a}, G.P. Myagkov^{b**}*

^a*Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993 Russia*

^b*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

E-mail: *n.nedashkovskaya@yandex.ru, **gmyagkov@yandex.ru

Received November 22, 2016

Abstract

The paper addresses the polemics around the essay written by the famous Slovak public leader L. Štúr "Slavdom and the World of the Future" (*Das Slawenthum und die Welt der Zukunft*, 1851) presented against the background of methodological searches in the field of Slavic studies and history of social thought at the turn of the 19th and 20th centuries. By investigating into the history of creation, translation, and publication of the essay text in Russia in 1867 and 1909, the group of creators of the discourse around the projects for Slavic national revival has been specified. Through studying the review written by N.M. Petrovsky, the Slavist from Kazan, for the second edition of the essay and published in *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* ("Journal of the Ministry of Education") (1909), we have critically analyzed the source and the Pan-Slavic positions defended by the authors of the Russian translation, namely, the Academy fellow V.I. Lamanskii and his disciples K.Ya. Grot and T.D. Florinskii. Special attention has been paid to the methodological ideas and approaches that N.M. Petrovskii adopted to undertake the textual analysis and understand the mechanisms governing the ways various ideologemes of nationalism function.

Keywords: national revival of Slavs, Slavistics, romanticism, nihilism, ideologeme, national empires, scientific discourse, L. Stur, V.I. Lamanskii, T.D. Florinskii, N.M. Petrovskii

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Humanities (project no. 16-24-49004).

References

1. Russians and Slovaks in Historical Retrospective: Culture, Politics, and Historical Memory: International Scientific Conference and VI Congress of the Commission of Historians of Russia and Slovakia (Yoshkar-Ola, Sept. 20–22, 2016): Program. Available at: http://inslav.ru/images/stories/conf/2016_Joshkar-Ola.pdf. (In Russian)
2. Repina L.P. Today's Historical Science: Theory, Methods, Prospects. *Situatsiya v sovremennoi istoriografii: obshchestvennyi zapros i nauchnyi otvet* [Situation in Modern Historiography: Public Demand and Scientific Response]. Moscow, Izd. LKI, 2011, pp. 5–13. (In Russian)
3. Habermas J. *Der Philosophische Diskurs der Moderne*. Suhrkamp Verlag, 1988. 450 S. (In German)

4. Zenkin S.N. Historical ideas and thinking schemes: On intellectual discourse poetics. *Ex Cathedra. Sovremennye metody izucheniya kul'tury* [Ex Cathedra. Modern Methods of Culture Investigation]. Moscow, RGGU, 2012, pp. 154–166. (In Russian)
5. Korchinskii A.V. “Signifier of all trades”: Nihilistic discourse(s). *Diskurs*, 2007, nos. 14–15, pp. 34–54. (In Russian)
6. Korchinskii A.V. Thought Formants: Literature and Philosophical Discourse. Moscow, Yaz. Slavyan. Kul't., 2015. 288 p. (In Russian)
7. Mikhailov A.V. Backward Translation. *Iz istorii “nigilizma”* [From the History of “Nihilism”]. Moscow, Yaz. Russ. Kul't., 2000. 848 p. (In Russian)
8. Ľudovít Štúr (1815–1856). *Tvorba a dielo Ľudovíta Štúra*. Available at: <http://www.stur.sk/>. (In Slovak)
9. Rokina G.V. Slavic Movement of the 19th – 20th Centuries: Conventions, Congresses, Meetings, Manifestos, Appeals. *Kanun Slavyanskogo s'ezda 1867 g.: Traktat L. Štúra “Slavyanstvo i mir budushchego”* [On the Eve of the Slavic Congress of 1867: L. Štúr's Essay “Slavdom and the World of the Future”]. Dostal' M.Yu. (Ed.). Moscow, 1998, pp. 73–95. (In Russian)
10. Štúr L. Slavs and the World of Tomorrow. Message to the Slavs from the Danube Banks. Moscow, Univ. Tip. (Katkov i Ko), 1867. VI, 191 p. (In Russian)
11. Štúr L. Slavs and the World of Tomorrow. Message to the Slavs from the Danube Banks. St. Petersburg, Tip. Minist. Putei Soobshcheniya (I.N. Kushnerev i K°), 1909. XLVIII, 176 p. (In Russian)
12. History of Slovakia. Bogdanov Yu.V. (Ed.). Moscow, Evrolints, 2003. 436 p. (In Russian)
13. Florinskii T.D. Štúr L. Slavdom and the World of the Future. Message to the Slavs from the Danube Banks. *Lyudevít Štur i ego “Slavyanstvo i mir budushchego”* [Ľudovít Štúr and His “Slavdom and the World of the Future”]. Grot K.Ya., Florinskii T.D. (Eds.). St. Petersburg, Tip. Minist. Putei Soobshcheniya (I.N. Kushnerev i K°), 1909, pp. V–XLI. (In Russian)
14. Rokina G.V. Interpretations of the essay written by the Slovak patriot “Slavdom and the World of the Future” in Russian and foreign historiography. *Istoricheskoe proizvedenie kak fenomen kul'tury: Materialy X mezhdunar. nauch. konf.* [Historical Work as a Cultural Phenomenon: Proc. X Int. Sci. Conf.]. Kotylev A.Yu., Pavlov A.A. (Eds.). Syktyvkar: Izd. SGU im. Pitirima Sorokina, 2016, pp. 77–88. (In Russian)
15. Lamanskii V.I. From the notes of Slavic lands. *Otechestvennye Zapiski*, 1864, vol. CLII, no. 2, pp. 649–702, vol. CLIV, no. 5, pp. 353–380. (In Russian)
16. Lapteva L.P. L. Štúr in Russian literature of the 19th – early 20th centuries. *L'udovít Štur und die slawische Wechselseitigkeit: Gesamte Referate und die integrale Diskussion der wissenschaftlichen Tagung in Smolenice, 27–29 Juni 1966*. Bratislava, Slowak. Akad. der Wiss., 1969, S. 394–401. (In Russian)
17. Matula V. Kollár J. and L. Štúr's views on the Slavs and the concept of Slavonic reciprocity. *Sovetskoe slavyanovedenie*, 1978, no. 2, pp. 58–71. (In Russian)
18. Rokina G.V. The Theory and Practice of Slavonic Reciprocity and Slovak-Russian Relationship in the 19th Century. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2005. 280 p. (In Russian)
19. Mashkova A.G. “Testament” to the Slavic world: Ľudovít Štúr's essay “Slavdom and the World of the Future” (on the 200th anniversary of the writer). *Stephanos*, 2015, no. 4, pp. 96–104. (In Russian)
20. Braxatoris M. The national philosophy of Ľudovít Štúr on the West – Slovakia – East axis. *Stephanos*, 2015, no. 4, pp. 83–95. (In Russian)
21. Ľudovít Štúr na hranici dvoch vekov: život, dielo, doba verzus historická pamäť. Bratislava, Veda, 2015. 398 s. (In Slovak)
22. Russia. Complete Geographical Description of Our Homeland: Resource and Road Book for Russian People. Semenov V.P. (Ed.). St. Petersburg, A.F. Devrien, 1899–1914. (In Russian)
23. Kolar. I. On literary reciprocity between tribes and Slavonic languages. *Otechestvennye Zapiski*, 1840, vol. VIII, pp. 1–24, 65–94. (In Russian)
24. Rokina G.V. On the literary reciprocity of the Slavs: Ján Kollár's theory. *Vozrozhdenie*, 2010, no. 1. Available at: http://club-vozhrozhdenie.ru/publ/slavyanskij_mir/o_literaturnoj_vzaimnosti_slavyan_teoriya_jana_kollara/47-1-0-463. (In Russian)

25. Nedashkovskaya N.I. "Europe is particularly a peninsula of Asia.": Spatial ideologemes in Slavistic research texts of the 19th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2009, vol. 151, no. 2, pt. 1, pp. 157–163. (In Russian)
26. Zagora R. Ludovit Štúr and Izmail Ivanovich Sreznevskiy: Scientific Cooperation. *Vestnik Sankt Petrburgskogo Universiteta. Seriya 2*, 2008, no. 4, pt. 1, pp. 124–128. (In Russian)
27. Zagora R. The contacts of Ludovit Štúr with Russian scholars and thinkers. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2007, nos. 1–2, pp. 113–122. (In Russian)
28. Kubišová H. Ludovit Štúr's correspondence with Russian slavists. *Stephanos*, 2015, no. 4, pp. 113–121. (In Russian)
29. Ludovit Štúr. *Russkaya Beseda*, 1860, vol. 1, no. 19. pp. 51–60. (In Russian)
30. Myagkov G.P., Nedashkovskaya N.I. Provincial scientific schools: breaches of tradition as scholar practices (based on the materials of mediaevalism and Slavonic studies history in Kazan). *Dialog so Vremenem*, 2011, no. 36, pp. 292–312. (In Russian)
31. Petrovskii N.M. [Book Rev.: Slavdom and the World of the Future. St. Petersburg, 1909]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. Novaya Seriya*, 1909, pt. XXII, pp. 194–204. (In Russian)
32. Lapteva L.P. Slavonic Studies History in Russia during the Late 19th – First Third of the 20th Century. Moscow, Indrik, 2012. 840 p. (In Russian)
33. Grot K.Ya., Florinskii T.D. On the new edition of L. Štúr's essay "Slavdom and the World of the Future": (on N/M/ Petrovskii's review). *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvyashcheniya. Novaya Seriya*, 1909, pt. XXIII, pp. 459–463. (In Russian)
34. Masaryk Th.G. Russland und Europa: Studien über die geistigen Strömungen in Russland. F. 1: Zur russischen Geschichts und Religionsphilosophie: Soziologisch Skizzen: 2 Bd. Jena, Diederichs, 1913. Bd. 1, 387 S. Bd. 2, 532 S. (In German)
35. Pypin A.N. Pan-Slavism in Past and Present (1878). St. Petersburg, Kolos, 1913. 189 p. (In Russian)
36. Myagkov G.P., Makarova N.I. Memnon Petrovich Petrovsky and Nestor Memnonovich Petrovsky: Two generations of Kazan research school of Slavic studies. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2006, vol. 148, no. 4, pp. 62–76. (In Russian)
37. Macura V. Znameni zrodu. Cesko obrozeni jako kulturni typ. Praga, Československyi spisovatel, 1983. 540 s. (In Slovak)
38. Belov M.V. At the Roots of the Serbian National Ideology: Formation Mechanisms and Development Specifics (Late 18th – middle of the 1830s). St. Petersburg, Aleteiya, 2007. 544 p. (In Russian)
39. Danilevskii I.N. Primary Chronicle: Hermeneutic Basics of studying Chronicle Texts. Moscow, Aspekt Press, 2004. 383 p. (In Russian)

Для цитирования: Недашковская Н.И., Мягков Г.П. Polemics around L. Štúr's essay "Slavdom and the World of the Future": романтизм и нигилизм в дискурсе проектов славянского национального возрождения XIX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 856–871.

For citation: Nedashkovskaya N.I., Myagkov G.P. Polemics around L. Štúr's essay "Slavdom and the World of the Future": Romanticism and nihilism in the discourse of projects for the Slavic national revival in the 19th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 856–871. (In Russian)